

Но не только его мужское достоинство возбуждало ее. Ее муж, Джимми Беннетт, был просто лучшим трахальщиком в ее жизни. Дело было не только в том, что он наполнял ее так, как никто до него, он был артистом в постели и играл с ней, как Страдивари, точно зная, что нужно ласкать, щипать, целовать и лизать, чтобы вызвать каскад ее оргазма, даже когда они быстро перепихнулись в душе или, как сегодня вечером, когда они должны были быть осторожными и тихими в своем спальном мешке.

Она схватила его член и прошептала: "Пора в постель, милый", и он скользнул внутрь, прижимаясь к ее сладострастным прелестям.

Между поцелуями, когда его рука нашла ее мягкую правую грудь, он прошептал: "Я никогда не устану от твоей груди", и скользнул вниз, чтобы поцеловать и полюбить ее натуральные чашечки D и их маленькие соски. Не распластанные и неопределенные, как у многих женщин с большой грудью, которые кормили детей, но все же упругие и тугие, как серебряные доллары. Он облизал сосок и втянул его в рот, двигая языком, чувствуя, как он возбуждается и встает. Попка Марджи начала ерзать в спальном мешке.

Она хихикнула, нежно поглаживая его по голове: "О, у меня от тебя кошечки". Джимми переместился к левому соску и тоже начал его ласкать, а его рука пробралась вниз между ее загорелыми бедрами, раздвигая их, чтобы подразнить внутреннюю поверхность бедра и нежные губы.

"Ты уже как гребаное озеро".

"Тише, они услышат!"

"Нет, единственное, что они могут услышать, это твою мокрую киску. Боже, какая ты мокрая", - и он нырнул внутрь спального мешка и крепко зажал рот над ее сексом.

"Хммм, ммммм, аррррр", - прозвучало над ним.

Он надавил кончиками пальцев на ее дымящиеся складочки и начал медленно трахать ее пальцами, пока его язык нащупывал ее клитор. Он нежно лизнул языком между клиторальным капюшоном и ее толстеньким клитором. Он просунул два пальца как можно глубже в ее киску, ища ее точку G, и начал покусывать, дразнить и облизывать ее пуговку, заставляя ее извиваться еще сильнее.

Внутренняя сторона спального мешка стала благоухать запахом ее соков, и он вдыхал этот пьянящий аромат, продолжая есть ее, одновременно перекатываясь, чтобы расположиться на ее лице, чтобы его очень твердый член мог найти ждущий рот Марджи.

Она потянулась вверх и взяла пульсирующий инструмент в руку. Из него уже текла сперма, и она высунула язык, чтобы слизать сладкую вкуснятину. Марджи любила вкус спермы. Он был приторно-сладким, как десерт перед ужином. Она высунула язык еще дальше и медленно облизала его, затем осторожно взяла в рот только головку и задержала ее там, снова провела языком по головке и начала сосать, как пылесос.

"Святой Иисус", - задыхался Джимми. Он боролся с желанием засунуть себя внутрь, когда она сделала это, скользнув своими мягкими губами по его стволу и полностью взяв его пульсирующий член в рот, пока он не уперся в его заднюю часть. Она мощно обхватила рукой

основание его члена и начала трахать член Джимми своим ртом, пока ее рука доила его, который к этому времени стал настолько эрегированным и раздутым, что кожа натянулась до боли, а кровь расширила грибовидный кончик, пока она творила свою магию.

Его бедра начали двигаться вперед и назад, так как его потребность во взрыве росла. Его бедра начали двигаться быстрее от нарастающего возбуждения. Однако он еще не хотел кончать, и выдернул свой член из ее требовательного рта, повернулся в спальном мешке и расположился между ее влажных и манящих ног.

"О Боже, трахни меня", - застонала Марджи и схватила Джимми за бедра.

Однако Джимми хотел дразнить. Он положил большую головку на ее пульсирующий секс. Он знал, как это ее возбуждает. Головка его члена была больше, чем у большинства других. В порнографии ее называли "грибовидной головкой", и она сидела на вершине 7-дюймовой ракеты, которой он гордился и умел пользоваться.

Всем женщинам нравилось ощущение, когда эта большая головка входила в них и раздвигала их, и из всех них Марджи это возбуждало по-особенному. Он провел головкой своего ствола по ее набухшим губам, смачивая головку ее соками, и стал дразнить ее от клитора до отверстия. Марджи задыхалась, когда он ввел свою невероятно большую головку глубоко в ее очень мокрое влагалище.

"Боже мой. Трахни меня, Джимми", - прошептала она, пытаясь контролировать себя.

Он так и сделал. Вытаскивая медленно, а затем решив "что за хуйня", он начал сильно и глубоко вбивать в нее яйца, проникая в нее всем своим стволом, а затем схватил ее за великолепную задницу и подтянул ее в ритме, чтобы его стальной член мог проникнуть еще глубже, задев переднюю часть ее шейки матки. Взявшись за дело, он трахал ее так сильно, как только мог, внутри их спального мешка, наполненного пухом.

Прошло совсем немного времени, и он почувствовал схватки глубоко внутри ее влагалища. Они становились все сильнее, пока она не схватила его за спину, притянув Джимми к себе, оставив по пути несколько царапин, и не достигла кульминации вокруг его глубоко зарытого члена.

Член Джимми пульсировал. Головка была настолько налита кровью, что казалось, будто чувствительная кожа, обволакивающая ее, вот-вот лопнет. Его кричащие яйца потребовали только одного раза, и он начал закачивать свою густую сперму глубоко в пизду Марджи, его яйца взрывались от выброса.

Марджи чувствовала, как его горячая сперма изливается глубоко внутрь нее. Она задыхалась, когда ее второй оргазм достиг своего апогея. Оба задыхаясь, Джимми лег на свою новую жену и сказал: "Боже, ты отлично трахаешься. Хочешь пожениться?"

Она ударила его по заднице так сильно, как только могла в ограниченном пространстве спального мешка, и сказала: "О да, детка, хорошо, что так".

Струйка спермы вытекла из ее киски и медленно стекала по внутренней стороне бедра, и это ощущение ей нравилось. Для Марджи это означало, что ее хорошо оттрахали. Это заставляло ее чувствовать себя "меченой" и что она принадлежит ему. Это означало для нее, что это была настоящая любовь. Чувство, которым она дорожила и которое делало ее полноценной. Она улыбнулась про себя, и они немного поцеловались, прежде чем она напомнила им, что они должны привести себя в порядок, чтобы быть готовыми выйти из палатки с первыми лучами солнца. Он вызвался первым выйти наружу, чтобы встретить холодный ветер и первым

помочиться. Прежде чем выйти на улицу, он сначала оглянулся на свою любящую жену.

"Я люблю тебя", - сказал он.

Глава 5

Когда я перешел в 11-й класс, наступило время подготовки к поступлению в колледж и подачи документов. Я не думала, что у меня есть оценки, чтобы поступить в элитные школы, такие как Ivys, но я знала, что хочу расправить крылья, уехать подальше от дома и найти себя. Учителя и мои академические исследования убедили меня в том, что есть несколько лучших школ, в которые у меня есть шанс попасть, и я усердно взялась за дело.

Большую часть моей жизни мы были с папой, а теперь - наша новая семья. Не поймите меня неправильно, я полюбил Марджи, и она была добра ко мне. Она никогда не вредничала и не разыгрывала меня перед девочками с папой, и я действительно любила своих новых сестер, Энди и Джесс. Да, Джесс была огромной занудой, заикленной на своем собственном мире, а слишком милая, идеальная, конкурентоспособная Энди иногда была занозой в заднице, но опять же, в нашем возрасте кто не был такой? Но я знала, что мне нужно уехать из дома, чтобы начать открывать для себя, кем я могу быть на самом деле и каковы мои пристрастия и интересы.

Папа, Марджи и, особенно, Энди очень помогли и утешили меня во время начального процесса. Честно говоря, я не уверена, как бы я написала это чертово вступительное эссе без неоценимой помощи Энди. Благодаря ей оно стало победным.

В наше время это называют "найти свою полосу". Я понятия не имела, что такое моя полоса, но я знала себя достаточно хорошо, чтобы понять, что мне нужно отстраниться от глубокой заботы моего любящего отца и легкого чрева жизни в нашей смешанной семье, чтобы узнать, кто я на самом деле.

Мой отец внезапно умер от обширного сердечного приступа прямо перед Днем благодарения в том году, что шокировало меня, а также решило, что я должна уехать.

Он пришел в офис на обычную встречу по стратегии на предстоящий год, и в лифте, поднимаясь вверх, у него произошло то, что врачи называют "внезапной остановкой сердца". Это означало, что мой отец резко потерял работу сердца, дыхание и сознание. Он умер на месте. В полном одиночестве. Мой отец умер в полном одиночестве, никого не было рядом с ним. Меня там не было. Меня не было рядом с ним и не было рядом, когда он нуждался во мне больше всего, как он всегда был рядом со мной, особенно после смерти мамы. Мое сердце было разбито. Я подвела его, когда он нуждался во мне больше всего.

Они нашли его мертвым на полу в лифте. Когда открылась дверь на верхнем этаже, где располагались апартаменты для руководителей, его сотрудники ждали в коридоре, чтобы поприветствовать босса. Вместо накачанного утреннего приветствия их встретил мертвый человек с посиневшим лицом.

Звонок поступил немедленно, и мир остановился, поскольку на нас обрушилось все, что происходит при внезапной смерти. Шок, эмоциональные американские горки, боль и скорбь, реальные задачи похорон и служб, а затем тяжелые и иногда суровые реалии того, как будет выглядеть жизнь дальше.

А как выглядит жизнь в смешанной семье, когда клей, державший семью вместе, внезапно исчез?

Например, наше жилье. После того, как Марджи и папа поженились, они не продали дом, и мы не объединились в одно жилище. Мы сохранили оба. Наш дом и дом Таннеров по соседству.

Это хорошо сработало. Марджи и папа проводили большую часть своих ночей в нашем доме. У нас была более красивая спальня, больше личного пространства, и моя комната находилась в другой части дома, но у девочек были свои комнаты в доме Таннеров, и многие наши повседневные дела проходили там, как и большинство приемов пищи, особенно ужин. Марджи сразу же стала семейным поваром - а готовила она великолепно, намного лучше отца - с современной кухней и гостеприимной столовой, а еще у нас был домашний тренажерный зал.

Почти сразу после свадьбы забор был снесен, и мы стали жить на два дома. Нетрадиционно, но нам это подходило... По крайней мере, пока отец был жив.

Не раз, сидя на краю бассейна с болтающимися в воде ногами, отец говорил мне: "Не волнуйся, Джонни. Если со мной что-нибудь случится, этот дом - твой. Я позаботился о том, чтобы ты жил в нем столько, сколько захочешь. Это твой дом".

И это было важно для меня. Потеряв сначала маму, а теперь и папу, я эмоционально нуждался в той безопасной и надежной зоне комфорта, которую обеспечивал дом. Меня утешало то, что через некоторое время после смерти отца, когда Марджи по понятным причинам стала жить и спать в доме Таннеров, она поделилась со мной желаниями моего отца и заверила меня в его намерениях.

Бывали ночи, когда я оставалась совсем одна в этом большом жутком доме, и, признаюсь, я ненавидела это. Иногда, с благословения Марджи, приезжали две девочки, и мы разбивали лагерь в гостиной. Они были в своей палатке, а я с Брауни - в своей. Думаю, Энди и Джесс считали это забавным. А мне это показалось утешительным.

Тем не менее, жизнь продолжается. К счастью, папа оставил достаточно средств, чтобы мне не пришлось беспокоиться о деньгах, и Марджи и девочки тоже были в порядке. Большой конверт" с письмом о зачислении в выбранный мной университет пришел с радостью, и мое ближайшее будущее было определено: Четыре года на другом конце страны в одном из лучших государственных университетов. Вы можете представить мое волнение, и Марджи с девочками пригласили меня на праздничный ужин в мой любимый местный ресторан "Серф и дерн" на мысе Бонита. Марджи даже позволила мне тайком выпить мартини в качестве праздничного напитка. Это была моя первая настоящая публичная дегустация алкоголя. Я немного захмелел, и все весело провели время.

Когда в августе я собирал вещи, чтобы переехать в школу, Марджи снова упомянула о намерениях отца относительно дома.

"Не волнуйся, это твой дом. Он всегда будет здесь для тебя, мы теперь твоя семья, и мы любим тебя, и я обещаю, что мы с девочками будем хорошо заботиться о тебе, Брауни, и о доме твоего отца, как о своем собственном.

"Но я не обещаю, что твоя захламленная комната останется такой же", - поддразнила Энди, и мы начали одну из наших любовных длительных грубых драк, пока она не сказала: "Я буду скучать по тебе", и не обняла меня крепко-крепко.

Когда я сказал: "Я тоже буду по тебе скучать", вся семья присоединилась к огромным медвежьим объятиям, и мы любили друг друга до бесконечности, пока не пришло время собирать свои вещи и отправляться в аэропорт и в свое будущее.

Я смотрела и махала им, пока это позволяли таможенники, вошла в самолет, нашла свое место и устроилась поудобнее, направляясь навстречу тревогам и волнениям первого курса колледжа в одиночестве.

Конец первой части

<http://erolate.com/book/2985/70668>